

Ю. В. БРОМЛЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХОРВАТИИ
КОНЦА XV—XVI в.

Изучение советскими медиевистами средневековой истории народов Югославии, которых связывают с народами нашей страны узы старинной дружбы, за последнее десятилетие заметно продвинулось. Особенно существенные сдвиги, пожалуй, произошли в разработке истории феодальных отношений в Хорватии, долгое время остававшейся почти вне поля зрения наших медиевистов. Главная заслуга в этом принадлежит академику Б. Д. Грекову, опубликовавшему в 1948 и в 1951 гг. монографические исследования двух важнейших памятников феодального права хорватов: Винодольского и Полицкого статут¹. Отдельные проблемы социально-экономической жизни средневековой Хорватии получили освещение также в нескольких подготовленных у нас за последнее время статьях и диссертациях². И все же в данном направлении предстоит еще проделать значительную работу. В частности, остается недостаточно изученной история аграрных отношений в Хорватии конца XV—XVI в. Между тем, этот период в жизни хорватской деревни представляет для исследователя-медиевиста значительный интерес, поскольку в Хорватии, как и в других европейских странах, конец XV—XVI в. — время крупных перемен в аграрных отношениях.

На XVI в. приходится одно из наиболее значительных антифеодальных движений в Хорватии — восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г.

В буржуазной историографии нет специальных исследований, посвященных истории аграрных отношений в хорватской деревне конца XV—XVI в. Лишь в некоторых работах хорватских буржуазных исследователей, в той или иной степени затрагивающих историю восстания 1573 г., приводятся отрывочные данные о положении крестьян в Хорватии XVI в. Однако, ограничиваясь при этом по существу простым перечнем отдельных показаний источников, хорватские буржуазные историки, естественно, не могли раскрыть тех перемен в судьбах хорватского крестьянства, которые имели место как до, так и после восстания 1573 г.; ряд существенных вопросов истории аграрных отно-

¹ Б. Д. Греков. Винодол. Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола. М.—Л., 1948; его же. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951.

² А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв. Автореферат диссертации. Воронеж, 1954; В. Ефремов. Развитие феодальных отношений в Хорватии X—XI вв. Автореферат диссертации. Л., 1954.

шений в хорватской деревне данного периода вообще остался за рамками их работ³.

Современные югославские ученые, исследуя социально-экономическую историю своей страны в средние века, не оставили без внимания и аграрные отношения в Хорватии второй половины XV—XVI в. И хотя в этой области, насколько нам известно, они еще не создали монографических исследований, все же на страницах отдельных обобщающих работ и статей ими уже намечено решение некоторых важнейших вопросов аграрной истории позднесредневековой Хорватии. В общих чертах определены основные формы феодальной эксплуатации в хорватской деревне второй половины XV в.⁴; отмечено усиление феодального гнета в Хорватии XVI в.⁵; обращено внимание на обострение борьбы между хорватскими феодалами за рабочие руки в позднее средневековье⁶. Однако в целом вопросы аграрной истории Хорватии второй половины XV—XVI в. не получили в современной югославской историографии сколько-нибудь полного освещения.

В советской историографии начало изучению аграрных отношений в Хорватии конца XV—XVII в. положила уже упомянутая монография Б. Д. Грекова „Полица“, в которой на основе анализа Полицкого статута реконструируется общественный и политический строй в XV—XVII вв. в Полице — небольшой хорватской жупе на далматинском побережье. Наблюдения Б. Д. Грекова над системой производственных отношений в средневековой Полице и, прежде всего, характеристика положения полицкого крестьянства и структуры территориальной общины в Полице, несомненно, дают весьма много для понимания аграрного строя в Хорватии XV—XVI вв. Однако само собой разумеется, что на основе изучения только показаний Полицкого статута, действие которого было ограничено незначительной территорией, расположенной в стороне от главного массива хорватских земель, нельзя получить сколько-нибудь полного представления о степени развития феодальных отношений в хорватской деревне XV—XVI вв. Для этого необходимо обратиться к источникам, отражающим историю аграрных отношений в указанный период на основной территории королевства „Хорватия, Славония и Далмация“⁷. Некоторые из этих источников — урбарии — уже были предметом исследования автора данных строк, попытавшегося на их материалах проследить эволюцию феодальной ренты в Хорватии на протяжении второй половины XV—XVI в.⁸. Непосредственным продолжением этого исследования является настоящая статья, посвященная выяснению таких малоизученных сторон аграрного строя хорватской деревни в конце XV—XVI в., как формы феодальной собственности, ее распределение внутри господствующего класса, структура территориальной и семейной общины, категории крестьян и некоторых других вопросов. Для решения этих проблем, помимо урбариев, нами привлекаются грамоты австрийских императоров и хорватских феодалов, куп-

³ Более подробную характеристику этих работ см. в нашей статье: Восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. XI, 1953, стр. 155—159.

⁴ См. *Historija naroda Jugoslavije*. Kn. I. Zagreb, 1953, str. 764—766.

⁵ F. Čulinović. *Seljačke bune u Hrvatskoj*. Zagreb, 1951, str. 21, 33.

⁶ См. N. Klaić. *O nekim pitanjima feudalne formacije u srednjovjekovnoj Slavoniji*. „*Historijski zbornik*“, god. IV, Zagreb, 1951, str. 107—132.

⁷ Официальное наименование в средние века хорватского государства.

⁸ Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI веков. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. IV, 1951, стр. 284—306.

чие и закладные грамоты, судебные решения, опись военного налога в Славонии 1543 г., опись имущества князя Ст. Франкопана от 1558 г., протоколы хорватских саборов и т. д.⁹

Изучение аграрных отношений предполагает прежде всего ознакомление хотя бы в самых общих чертах с состоянием сельскохозяйственного производства страны. При рассмотрении экономического строя средневековой хорватской деревни такое ознакомление тем более необходимо, что в исторической литературе эта важнейшая сторона жизни хорватского народа почти совсем не освещена.

Впервые вопрос о развитии сельского хозяйства в средневековой Хорватии был поставлен Б. Д. Грековым в работах „Винодол“ и „Полица“. На материалах Винодолского и Полицкого статуты Б. Д. Греков убедительно показал, что в Винодолском княжестве XIII в. и в Полице XV—XVII вв. главнейшими отраслями сельского хозяйства были хлебопашество и виноградарство¹⁰. Продолжая начатое Б. Д. Грековым исследование сельского хозяйства средневековой Хорватии, мы приходим на основании показаний источников конца XV—начала XVII в. прежде всего к заключению, что в этот период ведущая роль в экономике всей приморской части Хорватии принадлежала тем же отраслям сельского хозяйства. Об этом убедительно свидетельствуют урбарии, действовавшие в XVI—XVII вв. на территории Винодола (Грижанский урбарий 1544 г., Тржатский и Новиградский урбарии 1610 г.). Вместе с тем то особое внимание, которое уделяется в этих урбариях господским виноградникам, явное преобладание крестьянских повинностей, связанных с работой в них¹¹, заставляет заключить, что в XVI—начале XVII в. в приморской части Хорватии если не в крестьянских, то в доминальных хозяйствах феодалов виноградарство имело не меньший удельный вес, чем хлебопашество. Наряду с обработкой земли под зерновые культуры, широко практиковалось возделывание виноградников и на территории „собственно“ Хорватии к северу от Винодола (вплоть до р. Купы). Как свидетельствует относящаяся к этой территории опись имущества кн. Ст. Франкопана от 1558 г., в своих владениях Рыбник, Огулин, Луковдол, Звечай, Липпа и Новиград (на Добре) он получал ежегодно только от собственных виноградников более 1000 куб. (subulum) вина; помимо того около 700 куб. вина поступало ему в счет ренты от крестьян¹². Широкому распространению в „собственно“ Хорватии виноградарства благоприятствовали теплый климат и гористый рельеф местности.

Несколько иное соотношение хлебопашества и виноградарства наблюдалось в XV—XVI вв., как и в последующее время, в Славонии. Здесь на плодородных равнинах, прилегающих к Купе, Саве и Драве, удобные земли использовались главным образом под посевы зерновых культур;

⁹ Основные из этих источников опубликованы в следующих изданиях: J. Kukuljević. Acta Croatia. Zagreb, 1863; Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium (далее MHJSM), vol. VI. Zagreb, 1898; J. Bojničić. Kraljevske darovnice, odnoseće se na Hrvatsku. Iz kraljevskih registraturnih knjiga „Libri Regii“. Vjesnik kr. hrvatsko-slavonsko-dalmatinskoga zemaljskoga arkiva (далее VZA), god. VII. Zagreb, 1905; god. VIII. Zagreb, 1906; V. Klaić. Popis ratne daće u Slavoniji godine 1543. VZA, god. IX. Zagreb, 1907; E. Laszowski. Popis i procena dobra kneza Stjepana Frankopana-Ozaljskoga, god. 1558. Starine, kn. XXX. Zagreb, 1902; Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, vol. XXXIX. Zagreb, 1916.

¹⁰ См. Б. Д. Греков. Винодол, стр. 19; его же. Полица, стр. 34.

¹¹ См. MHJSM, vol. V, Zagreb, 1896, стр. 86—89, 137, 139, 156.

¹² E. Laszowski. Popis i procena..., стр. 185, 196, 200, 203, 204, 206, 208—210.

виноградарство играло явно второстепенную, подсобную роль. Так, по Дубовацкому урбарии 1579 г. (юго-западная часть Славонии), валовой доход феодала-землевладельца (князя А. Тадиловича) от собственной запашки исчислялся в 836 форинтов, а от виноградников — всего в 30 форинтов¹³. Примерно такую же картину раскрывает и Раковацкий урбарий (середина XVII в.), содержащий опись крестьянских хозяйств Раковацкого владения в Крижевацкой жупании (северо-восточная часть Славонии).

По данным этого урбария из 200 крестьянских хозяйств только в 47 имелись виноградники¹⁴. О том, сколь большие земельные площади находились в Славонии в середине XVI в. под зерновыми культурами косвенно свидетельствует письмо от 1540 г. одного временного владельца Суседградско-Стубицкого имения (западная часть Славонии), Еролима Лаского, императору Фердинанду, в котором он, между прочим, отмечал, что ему необходимо приобрести для посева зерна не менее чем на 1000 форинтов¹⁵. По ценам XVI в. он мог на эту сумму купить самого дорогого зерна — пшеницы — свыше 700 кварт¹⁶ и засеять более 80 га¹⁷. Господские запашки под зерновые культуры в 50—60 га хорошо известны урбариям XVI—начала XVII в., относящимся к территории Славонии¹⁸. Из хлебных злаков наши источники чаще всего называют пшеницу, овес и просо, затем ячмень и рожь. Кроме того, в Дубовацком урбарии 1579 г. упоминаются в числе зерновых культур *zyrka*, *erzulye* и *haydyne*¹⁹. По поводу *zyrki* в Дубовацком урбарии 1581 г. сказано: оно то же, что и сорго²⁰, а относительно *erzulye* тот же урбарий позволяет установить, что это — *spelt*, т. е. полба²¹; термин *haydyne* — венгерского происхождения и означает гречиху.

Наиболее распространенным хлебным злаком в Хорватии XV—XVI вв. была пшеница. Она являлась, как правило, обязательной и главной составной частью всех крестьянских натуральных платежей зерном²²; пшеницей обычно засеивалась значительная часть господской запашки. Не меньшую роль, чем пшеница, в отдельных господских хозяйствах играло просо²³.

Некоторое представление об удельном весе различных зерновых культур в общем урожае злаков на домениальных землях хорватских феодалов в конце XVI в. позволяют получить Дубовацкие урбарии 1579 и 1581 гг. Произведенные нами на основании показаний этих урбариев подсчеты (по трем запашкам в урбарии 1579 г. и по одной запашке в урбарии 1581 г.) показывают, что в общем урожае злаков, собираемом ежегодно дубовацкими землевладельцами, просо в среднем

¹³ МНЖСМ, vol. V, str. 115.

¹⁴ Там же, стр. 171—185.

¹⁵ См. J. Hartinger. *Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573, Osijek, 1911*, стр. 96—97.

¹⁶ См. Дубовацкий урбарий 1579 г., МНЖСМ, vol. V, str. 111—112.

¹⁷ По данным Дубовацкого урбария 1579 г., на участке в 86 югеров (около 50 га) ежегодно собирался урожай в 1260 кварт различного зерна (см. МНЖСМ, vol. V, str. 109—110). Допуская самую низкую урожайность сам-три, мы узнаем, что даже в этом случае на 50 га высевалось не более 430 кварт. Следовательно, для посева 700 кварт зерна требовалась площадь не менее чем в 80 га.

¹⁸ См., например, МНЖСМ, vol. V, str. 109, 111, 185.

¹⁹ Там же, стр. 110—112, 115.

²⁰ См. там же, стр. 125.

²¹ См. там же, стр. 127.

²² См., например, там же, стр. 18, 88; E. Laszowski. *Popis i procena...*, str. 190.

²³ См. МНЖСМ, vol. V, str. 110, 115, 116, 125.

составляло более 32⁰/₀, пшеница около 27⁰/₀, овес — 17⁰/₀, сорго — 13⁰/₀, ячмень свыше 5⁰/₀, полба — 3⁰/₀, рожь — 1⁰/₀, гречиха — 0,7⁰/₀. Небольшой удельный вес гречихи среди зерновых культур, очевидно, связан с особенностями почвы и климата страны. Незначительный процент площади, занятой рожью, обусловлен, видимо, тем же. Что касается большого удельного веса проса в общем урожае злаков, собираемых с господских запашек, то это обстоятельство, видимо, стоит в прямой связи с многочисленными показаниями таможенных книг середины XVI в. о поступлении в Загреб значительного количества проса.

Кроме хлебопашества и виноградарства, значительную, но все же явно подсобную роль в хозяйственной жизни средневековой Хорватии играли садоводство и огородничество. Слово „врт“, под которым, по-видимому, можно понимать и сад и огород²⁴, хорошо известно и урбариям и грамотам. В документах на латинском языке ему соответствует термин *hortus*. В Дубовацком урбарии 1579 г. говорится об урожае, полученном на *wertu*, причем перечисляются бобы, горох, капуста, лук, чеснок, лен²⁵. К этому следует добавить еще перец („папр“), который называет Благайский урбарий²⁶. Из технических культур, кроме льна, в источниках изредка упоминается конопля²⁷. Виды фруктовых деревьев, разводившихся в Хорватии XV—XVI вв., установить не удается: источники говорят лишь вообще о фруктовых деревьях и садах, употребляя при этом обычно термин *vohe*²⁸. Фруктовые сады, по-видимому, были, как правило, небольших размеров. Судя по данным описи имущества кн. Ст. Франкопана, даже в его собственных садах обычно насчитывалось 10—20 фруктовых деревьев²⁹.

Повсеместно распространенной системой земледелия в Хорватии XV—XVI вв. было трехполье. Как установил Б. Д. Греков, в частности, по этой системе велось земледелие в средневековой Полице³⁰. О наличии трехполья в XV—XVI вв. и в других районах страны свидетельствует тот факт, что в урбариях основная масса барщинных повинностей крестьян обычно приурочивалась к осени и весне. Об осенней пахоте сообщается и в источниках нарративного характера: например, в одном из таких источников конца XVI в. рассказывается о пахоте, происшедшей в ноябре³¹. Впрочем, в свете данных Дубовацких урбариев о разнообразных зерновых культурах, не исключено существование в Хорватии XVI в. и более сложных систем земледелия. Во всяком случае подсечная система земледелия, ранее широко распространенная у славянских народов, населявших Балканский полуостров³², в XV—XVI вв. в Хорватии отошла, видимо, уже в далекое прошлое. Правда, в Дубовацком урбарии 1579 г. и в Раковацком урбарии середины XV в. упоминаются раскорчеванные земли, но оба эти урбария имеют в виду не подсеку, а расширение пахотных земель за счет лесов³³.

Имеются сведения о применении в хорватской позднесредневековой деревне удобрений при обработке земли, что свидетельствует об из-

²⁴ См. Б. Д. Греков. Винодол, стр. 19.

²⁵ МНЈСМ, vol. V, str. 110.

²⁶ Там же, стр. 18.

²⁷ Там же, стр. 158.

²⁸ *Vohe* — по Ягичу, — *fructus, arbor fructifera* (МНЈСМ, vol. IV, str. 229).

²⁹ *Starine*, кн. XXX, str. 196, 204.

³⁰ Б. Д. Греков. Полица, стр. 18, 34.

³¹ *Starine*, кн. VII, № 180, str. 317.

³² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, М.—Л., 1945, стр. 111.

³³ МНЈСМ, vol. V, str. 10, 168.

вестном прогрессе земледелия. Так, в Новиградском урбарии среди крестьянских повинностей специально выделен вывоз на господское поле навоза³⁴. В этом же урбарии говорится о прополке сельскохозяйственных культур³⁵.

Земля под посевы обрабатывалась в Хорватии XV—XVI вв. почти исключительно с помощью волов; лошади, довольно часто упоминаемые в источниках, видимо, употреблялись в это время главным образом для военных целей. Судя по тому, что обычно для пахоты в качестве тяговой силы использовалась пара волов, основным орудием обработки почвы был легкий плуг, именуемый в источниках „рало“. Сохранились сведения, что лемех рала изготовлялся из железа³⁶. Из других сельскохозяйственных орудий, употребляемых хорватскими крестьянами, источники отмечают мотыги, лопаты, косы и серпы³⁷.

Обмолоченное зерно перемалывалось на мельницах, подавляющее большинство которых приводилось в движение силою воды. Во всяком случае в урбариях и других доступных нам источниках фигурируют лишь водяные мельницы (млин), сооруженные, как правило, на небольших горных речках. Обращает внимание их многочисленность. Так, по данным Модрушского урбария, в среднем на каждые десять крестьянских хозяйств приходилась одна мельница³⁸. Это обилие водяных мельниц объясняется, видимо, как их примитивностью и маломощностью, так и тем, что значительную часть года, когда горные речки пересыхали, они бездействовали.

Характеризуя состояние земледелия в Хорватии XV—XVI вв., необходимо также учитывать данные как о росте специализации в самой хорватской деревне, так и о разделении общественного труда в хорватском обществе этого периода. Вряд ли было бы верно, например, игнорировать в этой связи отмечаемое источниками развитие в хорватской деревне изучаемого периода домашнего ремесла. Так, в Модрушском урбарии конца XV в. уже нередко встречаются указания о крестьянах, в хозяйственной жизни которых существенную роль играло то или иное домашнее ремесло. Здесь же не раз говорится о кметах-плотниках, бондарях, лучниках³⁹. Особенно часто памятники XV—XVI вв. упоминают сельские кузницы⁴⁰. Если изготовление отдельными сельскими специалистами предметов домашнего обихода вело просто к высвобождению у других крестьян времени, необходимого для производства этих предметов, то широкое распространение в селах кузниц, помимо того, несомненно способствовало внедрению в крестьянские хозяйства продукции кузнечного ремесла.

Не мог не оказать известного влияния на состояние производительных сил в земледелии и дальнейший рост общественного разделения труда, в частности, изготовление ремесленниками хорватских городов орудий сельского хозяйства. Среди товаров на местных рынках Хорватии XV—XVI вв. довольно часто фигурировали поставляемые городскими ремесленниками железные лемехи, лопаты, мотыги и тому подобные орудия труда⁴¹. Однако серьезным препятствием для проникновения

³⁴ МНЈСМ, vol. V, str. 141.

³⁵ Там же.

³⁶ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 50.

³⁷ МНЈСМ, vol. V, str. 87, 141.

³⁸ Там же, стр. 30—81.

³⁹ Там же, стр. 42, 44, 68.

⁴⁰ См., например, МНЈСМ, vol. IV, str. 89, 182; vol. VI, str. 113, 193.

⁴¹ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 50.

этой продукции в крестьянские хозяйства служили высокие таможенные пошлины и монопольные цены; надо полагать, почти не приобретались сельскохозяйственные орудия, изготовленные городскими ремесленниками, для господских хозяйств, поскольку барская запашка обслуживалась трудом крестьян и их орудиями. В целом, несмотря на постепенный прогресс (дальнейшее распространение железных сельскохозяйственных орудий, применение удобрений и т. п.), система и техника земледелия в Хорватии XV—XVI вв. отличалась крайней консервативностью и рутинностью, присущей феодальному способу производства, при котором „ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой“⁴².

В силу консервативности технического базиса увеличение продукции земледелия в Хорватии XV—XVI вв. было возможно не столько за счет интенсификации хозяйства, сколько путем экстенсивного расширения посевных площадей. В источниках этого периода неоднократно отмечается освоение крестьянами новых земель. Свидетельство Раковацкого урбария середины XV в. относительно раскорчеванных земель приводилось уже выше. К сказанному по этому поводу следует лишь добавить, что в урбарии имеется в виду расширение за счет раскорчеванных земель крестьянских наделов и предполагается, что такого рода увеличение крестьянской запашки явление довольно обычное⁴³. Данные об освоении крестьянами новых земель содержатся и в грамотах середины XVI в.⁴⁴.

Примерно с первой половины XVI в. в Хорватии наблюдается заметный рост собственно господских земель. Так, о новом княжеском винограднике говорится в Грижанском урбарии 1544 г.⁴⁵; новые господские виноградники и сады фиксируются описью имуществ кн. Ст. Франкопана от 1558 г.⁴⁶. Многочисленные показания источников об увеличении в XVI в. барщины крестьян косвенно свидетельствуют о расширении в это время домениальных запашек под зерновые культуры.

Как и земледелие, экстенсивный характер имело в Хорватии XV—XVI вв. животноводство, занимавшее видное место в экономике страны. Нам уже известно, что для пахоты использовались почти исключительно волы и только частично лошади, так как последние были необходимы для армии; кроме того, на волах, лошадях и ослах производились различные перевозки. Урбарии и грамоты позволяют также судить и о мясо-молочном хозяйстве в хорватской деревне того времени: в них довольно часто упоминаются коровы, овцы, свиньи и козы. Особенно широко распространены были овцеводство и свиноводство. Мелкий скот и продукты животноводства (окорока, сыры и т. п.) были обычной составной частью натуральной ренты⁴⁷. Заметная роль в конце XV—XVI в. принадлежала на местных рынках таким продуктам животноводства, как мясо, кожа, шерсть и т. д.

Под пастбища для скота использовались главным образом так называемые испашы. Это, как правило, были непригодные для хлебопашества и сенокосов земли, расположенные в горах и покрытые лесом и кустарником. Кроме того, скот пасся на скошенных лугах и полях, после

⁴² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

⁴³ МНЖСМ, vol. V, str. 168.

⁴⁴ J. Kukuljević. Acta Croatia. Zagreb, 1863, № 206, str. 209; № 208, str. 211.

⁴⁵ МНЖСМ, vol. V, str. 88.

⁴⁶ Starine, kn. XXX, str. 196, 206.

⁴⁷ См., например, МНЖСМ, vol. V, str. 18, 34, 75, 76, 78, 80, 106 и др.

снятия с них урожая⁴⁸. Сено, как корм для скота, играло подсобную роль в крестьянских хозяйствах. Так, по данным Модрушского урбария — единственного урбария, фиксирующего размеры крестьянских сенокосов, — на каждый крестьянский двор приходилось от 1 до 4 стога сена⁴⁹, многие же крестьянские хозяйства вообще не имели сенокосов: в урбарии в ряде случаев сенокосы или вообще не упоминаются или прямо говорится, „ali sinokoši ni“⁵⁰. Лучшие сенокосы входили в состав доменных владений феодалов. Некоторые из них достигали весьма значительной величины. Например, в Дубовацком урбарии 1579 г. упоминается господский луг, с которого убиралось до 140 возов сена⁵¹. Это, в свою очередь, предполагает наличие в отдельных господских хозяйствах немалого числа скота. Но основная масса скота безусловно разводилась в крестьянских хозяйствах. Этим и была в первую очередь обусловлена экстенсивность скотоводства, ибо мелкое крестьянское хозяйство по своей природе исключало возможность разведения скота в крупных размерах⁵².

Данные наших источников позволяют установить, что в хозяйствах хорватского крестьянства с земледелием и скотоводством сочетались птицеводство и пчеловодство. Об этом в первую очередь свидетельствуют все те же урбарии, фиксирующие в составе ренты продуктами домашних птиц, яйца и воск. Часто упоминаются в статутах и грамотах ульи⁵³. Среди домашней птицы источники называют кур, а также каплунов и гусей.

Видную роль в хозяйственной жизни средневековой Хорватии играло рыболовство. Особенно распространенным промыслом было рыболовство в Приморской Хорватии. В Новиградском урбарии и Полицком статуте этому промыслу посвящены специальные статьи⁵⁴. Для удобства ловли рыб в рѣках устанавливались „ловища“ и „затоци“, а для их разведения — специальные приспособления — „рибняки“⁵⁵. Модрушскому урбарии известна даже особая повинность крестьян — служба „ribariom“⁵⁶, т. е. разведение и ловля рыбы. Комментируя это показание Модрушского урбария, Р. Лопашич отмечает, что „каждое крупное и мелкое имение еще в прошлом веке (т. е. в XVIII в. — Ю. Б.) имело один или несколько рибняков“. Так, Штеничякское владение за Купой близ Карловца имело столько „рибняков, что еще в 1570 г. ... получало от них дохода более, чем на 1000 фор.“⁵⁷.

В источниках конца XV — начала XVII в. нередко упоминается охота. В Полицком статуте охотничьему промыслу даже посвящены две статьи. Анализируя их содержание, Б. Д. Греков пришел к следующему заключению: „1) охота в Полице — не забава, а промысел; 2) хозяева участков земли, на которой возможна охота, нанимают охотников-специалистов из части добычи; 3) для охоты на медведя и лисиц привлекаются помощники тоже из части добычи“⁵⁸. Упоминается охота и

⁴⁸ МНЈСМ, vol. IV, str. 69.

⁴⁹ См. МНЈСМ, vol. V, str. 29—81.

⁵⁰ Там же, например, стр. 30.

⁵¹ Там же, стр. 110.

⁵² См. К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 820.

⁵³ См., например, МНЈСМ, vol. IV, str. 150, 183, 213, 219; МНЈСМ, vol. VI, № 265.

⁵⁴ МНЈСМ, vol. V, str. 93; vol. IV, str. 138.

⁵⁵ См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 24.

⁵⁶ МНЈСМ, vol. V, str. 31, 32, 43.

⁵⁷ Там же, стр. 31, прим. 3.

⁵⁸ Б. Д. Греков. Полица, стр. 25.

в урбариях. Так, Модрушский урбарий дважды говорит об особой повинности крестьян — службе „*pticariu*“⁵⁹, которую Р. Лопачич расширяет как ловлю диких птиц для господского хозяйства⁶⁰. Новиградский урбарий устанавливает, что в случае, если „кто-нибудь добудет птицу или зверя, то должен, согласно старому закону, поставить в известность господского официала (управляющего. — Ю. Б.)“ и продать ему „по старой цене“⁶¹. Таким образом, охотничья добыча поступала прежде всего в господское хозяйство. В экономике подавляющего большинства хорватских крестьян охота не играла сколько-нибудь значительной роли. Видимо, лишь только для немногих сельских жителей, занимавшихся специально охотничьим промыслом, этот промысел был одним из основных источников их существования.

Таковы те наиболее существенные сведения, которые дают доступные нам источники для характеристики отраслей сельского хозяйства в хорватской деревне второй половины XV и XVI в. Подавляющее большинство этих отраслей, как правило, соединялось в каждом отдельном крестьянском хозяйстве. Во всяком случае, в каждой феодальной вотчине существовали почти все важнейшие отрасли сельского хозяйства, что свидетельствует о сохранении, несмотря на значительный рост товарно-денежных отношений стране, натурально-замкнутой по своему характеру хозяйственной жизни в хорватской деревне рассматриваемого периода. Сохранение натурального хозяйства было обусловлено прежде всего присущей феодальному строю организацией производства, неразрывно связанной с низкой и рутинной техникой.

В силу сравнительно слабого развития техники и экстенсивности сельскохозяйственного производства, хозяйства хорватских крестьян в значительной степени зависели от природных условий и часто несли немалый ущерб от различных стихийных бедствий. В частности, тяжелый урон наносили крестьянскому хозяйству засухи. Например, в жалобе грижанских кметов рассказывается, что в 1444 г. от засухи у них погиб весь урожай винограда и большая часть хлебов⁶². Неизбежным спутником неурожая был голод. Наиболее тяжелым в этом отношении для Приморской Хорватии был 1527 г.⁶³, а для Славонии — 1570 г.⁶⁴.

Но особенно страшным бедствием для хорватской деревни с конца XV в. стали опустошительные турецкие набеги. Следы этих опустошений нашли свое отражение в большинстве урбариев изучаемого периода: почти все они пестрят указаниями на пустующие кметские наделы. Такого рода свидетельства о турецких набегах уже весьма часто встречаются в Модрушском урбарии 1486 г. Например, по его данным, в этом году в селе Машник из 21 крестьянского хозяйства осталось только 4, в селе Пищатки было заброшено 65% кметских наделов и т. д.⁶⁵. Исключительно яркую картину турецкого нашествия на Модрушские владения дает одна грамота 1493 г. В ней сказано: „... и напали на Модруш турки и пожгли все огнем, избивая оружием стариков, юношей, дев, вдов и даже грудных детей; и скорбь была такова, какой не было от времени нечестивых татар, готов и атил“⁶⁶. Видимо, результат этого

⁵⁹ MHJSM, vol. V, str. 32, 64.

⁶⁰ Там же, стр. 32, прим. 2.

⁶¹ Там же, стр. 138.

⁶² Там же.

⁶³ E. Laszowski. Gorski kotar i Vinodol, str. 132.

⁶⁴ T. Smičiklas. Povjest Hrvatska, dio II, str. 60.

⁶⁵ MHJSM, vol. V, str. 78—81.

⁶⁶ MHJSM, vol. IV, str. 376.

набега частично отражен в описи имуществ кн. Ст. Франкопана 1558 г. Весьма показательно, что единственные три села, которые вошли как в состав Модрушского урбария, так и описи, по данным последней в 1558 г. были полностью заброшены⁶⁷. При этом опись не раз указывает и другие опустошенные и разоренные селения, прямо отмечая, что это результат турецких набегов. Говорится, в ней и об угнанных в плен крестьянах⁶⁸.

Турецкие вторжения причиняли огромный ущерб сельскохозяйственному производству Хорватии конца XV—XVI в., но, как вы видели, они не смогли приостановить, хотя и очень медленного, все же достаточно заметного развития производительных сил в хорватской деревне.

Состоянию производительных сил в сельском хозяйстве — ведущей отрасли народного хозяйства Хорватии в XV—XVI вв. — соответствовал характер господствующих в этот период производственных отношений в стране. Их основой являлась собственность господствующего класса, класса феодалов, на главное средство производства — землю. По словам К. Маркса, „крупная земельная собственность была подлинной основой средневекового феодального общества“⁶⁹. Она, в конечном счете, определяла и собственность феодалов на непосредственных производителей⁷⁰.

Развитие феодальной собственности в Хорватии к XV—XVI вв. прошло несколько этапов. Как устанавливает в статье „Образование государства у хорватов“ В. Т. Дитякин, уже в VIII—IX вв. основной чертой истории хорватов „являлась борьба новых нарождающихся элементов против остатков родо-племенных отношений“⁷¹. В ходе этой борьбы складывались феодальные отношения и феодальная земельная собственность. На протяжении всего периода существования феодального строя в Хорватии монополия собственности феодалов на землю оставалась основой производственных отношений. Однако в рамках этих отношений, по мере роста производительных сил, развивались и изменялись формы земельной собственности, а одновременно и соотношение различных категорий феодального землевладения.

Как и в подавляющем большинстве средневековых стран, в Хорватии XV—XVI вв. феодальные земельные владения делились на три основные категории: светские, церковно-монастырские и королевские (императорские).

Наиболее распространенной, а вместе с тем и типичной категорией в изучаемый период была земельная собственность, принадлежавшая светским феодалам. Ее преобладающая форма именуется в хорватских источниках термином „племенщина“⁷², причем термин этот употребляется для обозначения земельной собственности как крупных, так и мелких феодалов.

Вопросам, связанным с владением племенщиной, посвящены многие глаголические грамоты этого периода; исключительно большое место отводит этому предмету Полицкий статут. Соответствующие его пока-

⁶⁷ Starine, kn. XXX, str. 210.

⁶⁸ Там же, стр. 206.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 253.

⁷⁰ См. К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 647.

⁷¹ В. Т. Дитякин. Образование государства у хорватов. „Исторический журнал“, 1944, № 10—11, стр. 83.

⁷² По поводу этимологии этого слова Б. Д. Греков высказывает следующие соображения: „Термин «племенщина», конечно, происходит от общеславянского слова «племя». Отсюда русское «племянник», что в старину означало всех боковых родственников вообще“ (Б. Д. Греков. Полица, стр. 96).

зания привлекли пристальное внимание Б. Д. Грекова. Подводя итог их исследованию, он пишет: „Итак, племенщина есть наследственная родовая (в позднейшем понимании слова) земля, находящаяся в собственности у людей племенитых. Они имеют полное право ею распоряжаться. Государственная власть оберегала их права, и сама, кроме одного случая (государственная измена), в свою пользу эти земли не конфискует. В случае преступлений людей племенитых, их племенщина отбирается, но идет в пользу не государства, а родственников. Последние имеют преимущественное право ее покупки у продающего родственника, они же, по новому закону, получали и право родового выкупа“⁷³.

К аналогичным выводам о характере этой формы феодальной земельной собственности приводят нас и данные хорватских грамот второй половины XV—XVI в. Прежде всего в них обычно подчеркивается, что племенщина — собственность, полученная по наследству („племенщина дидина“, „племенщина, ча е ошаста от првих“) ⁷⁴. О праве феодала свободно отчуждать племенщину свидетельствует тот факт, что она часто выступает в грамотах, как объект различного рода сделок: продажи-купли, обмена, дарения, завещания, заклада ⁷⁵. При этом, как правило, в грамотах декларируется согласие ближних и дальних родственников на отчуждение племенщины ⁷⁶. Очевидно, как и в Полице, во всей Хорватии XV—XVI вв. за родственниками оставалось право преимущественного приобретения племенщины, что, в свою очередь, наряду с правом „родового“ выкупа, является показателем сословного характера этой формы феодальной собственности. О том же свидетельствует и публичное оформление всех актов передачи племенщины в специальных „племенческих“ судах или „столах“ с участием большого числа свидетелей — „племенитых людей“ ⁷⁷. На феодальный характер прав собственника племенщины указывает и то обстоятельство, что, если он являлся вассалом крупного феодала, всякий акт отчуждения племенщины сопровождался уплатой определенной пошлины в пользу сеньора ⁷⁸; передача племенщины в другие руки непосредственными вассалами короля (императора) считалась действительной лишь после утверждения им этого акта. Король (император), будучи верховным собственником всех земель, в том числе племенщин, имел право, как и полицкий князь, конфисковать их в свою пользу; и, как мы увидим ниже, этим правом верховные собственники пользовались неоднократно.

Итак, племенщина в XV—XVI вв. выступает как сословная и иерархическая земельная собственность, близкая по своему типу к русской „родовой“ вотчине того же времени ⁷⁹.

Наряду с племенщинами-вотчинами, хорватскому феодальному праву в изучаемый период известны также условные земельные владения. Возникновение такого рода владений — отчасти результат пожалований светских и духовных феодалов. Но основная масса крупных условных владений ведет свое происхождение от королевских (императорских) пожалований. Только среди опубликованных хорватским историком

⁷³ Б. Д. Греков. Полица, стр. 100.

⁷⁴ См., например, MHJSM, vol. VI, str. 415—418; J. Kukuljević. Acta Croatia, Zagreb, 1863, № 162, str. 177.

⁷⁵ См., например, J. Kukuljević. Acta Croatia, № 152, str. 177—178; № 190, str. 197—198; № 285, str. 239; № 265, str. 249—250.

⁷⁶ См. там же.

⁷⁷ См. там же.

⁷⁸ См. там же.

⁷⁹ См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 96—97.

И. Бойничичем грамот императора Фердинанда за 1527—1564 гг.⁸⁰ насчитывается более 60, фиксирующих пожалования земельных владений в Хорватии, точнее говоря, в Славонии. Эти грамоты, как и весь материал указанной публикации Бойничича, заслуживают того, чтобы быть предметом специального исследования, посвященного политике Габсбургов в Хорватии. В данном случае для нас существенно другая сторона дела — характер королевских (императорских) земельных пожалований. Рассматривая с этой точки зрения указанные грамоты, легко убедиться в следующем: во-первых, объектом пожалования являлись как ненаселенные, так и населенные земли и даже города⁸¹. Во-вторых, все земли были пожалованы как вознаграждение „за верную службу“ (*pro fidelibus servitis*)⁸² и, следовательно, обусловлены таковой. В-третьих, во всех грамотах новому владельцу предоставляется право дарить эти земли, передавать по наследству и менять⁸³. Итак, перед нами условные земельные владения, напоминающие по своему характеру русское поместье или западноевропейский феодал.

Несколько иную по своему происхождению, но совершенно аналогичную по характеру форму феодального землевладения в Хорватии раскрывают сохранившиеся от XV—XVII вв. жалованные грамоты крупных светских феодалов. Рассмотрим для примера грамоту, данную кн. Ст. Франкопаном в 1457 г. М. Оштрихарицу, который известен как один из составителей Модрушского урбария 1486 г. Ему жалуются грамотой 1457 г. земли („дворы“ и „села“ в деревнях Бужи и Пищатки) в Модрушских владениях со всеми доходами („доходки и приходища“). При этом последние расшифровываются, как „навадна (обычная. — Ю. Б.) служба“ кметов⁸⁴, т. е. в первую очередь передаются права на феодальную ренту.

Относительно повода пожалования в грамоте 1457 г. сказано, что земли даются „за верную и безупречную службу с тем, чтобы впредь прилежно и хорошо ее исполнял“⁸⁵, т. е. как вознаграждение и поощрение за службу. В заключительной части грамоты указывается, что М. Оштрихариц „мози того... дара удржати и уживати, и даровати, и заложити, и за потрибу свою продати и за душу оставити... и учинити ода всела како годи драго“⁸⁶ и, конечно, передавать по наследству. Право отчуждения, в том числе передачи по наследству, а также обусловленность владения „верной службой“, подчеркивается во всех доступных нам грамотах о земельных пожалованиях хорватских светских феодалов в XV—XVI вв.⁸⁷

В дарственных грамотах, как королевских (императорских), так и светских феодалов, характер службы не разъясняется. Видимо, он был общеизвестен. В Хорватии XV—XVI вв. продолжало, вероятно, действовать общее феодальное право, согласно которому владелец пожалования

⁸⁰ J. Bojničić. Kraljevske darovnice... VZA, god. VII, str. 178—208, 237—276; god. VIII, str. 1—41, 103—106.

⁸¹ См., например, там же, god. VII, № 37, str. 200.

⁸² Там же, god. VII, № 2, str. 182; № 4, str. 183; № 8, str. 185; № 9, str. 186; № 16, str. 180; № 30, str. 197; № 31, str. 197; № 38, str. 201, № 41, str. 203; № 51, str. 237; № 53, str. 238; № 72, str. 252; № 95, str. 263; № 113, str. 276 и др.

⁸³ Там же.

⁸⁴ MHJSM, vol. VI, № 122, str. 206.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ См., например, MHJSM, vol. VI, № 125, str. 213; R. Strohal. Nekoliko neštampanih glagolskih listina. VZA, god. XII, № 1, str. 61.

был обязан своему сеньору прежде всего военной службой. Не случайно подавляющее большинство жалованных грамот Фердинанда приходится на начальный период его правления, когда он особенно нуждался в военной поддержке хорватских феодалов. В ряде случаев земельные владения могли быть пожалованы за исполнение административных обязанностей в вотчине сеньора. Например, М. Оштрихарец, получивший в 1457 г. земельные владения под Модрушем, выполнял административные поручения кн. Франкопана и, в частности, был одним из составителей Модрушского урбария.

Права владельцев пожалованных как королем (императором), так и светскими феодалами земель, по существу почти ничем не отличались от прав собственников племенщин. Например, в грамоте 1457 г. прямо говорится, что М. Оштрихарец может поступать „с указанным даром“ как со своей племенщиной⁸⁸, т. е. пожалованные земли фактически приравниваются к племенщине.

С другой стороны, в изучаемый период многие вотчинные (племенщинные) владения в Хорватии приобретают форму условного держания от короля (императора). Стремясь усилить зависимость хорватских феодалов, Габсбурги издают ряд грамот, в которых подтверждались права хорватских вотчинников на их племенщину, но вместе с тем владение землей обуславливалось „верной службой“. Отчасти в этом, видимо, были заинтересованы и сами феодалы—собственники племенщины, ибо такого рода подтверждения были немаловажной для того времени гарантией сохранения ими своих земельных владений. Практика „передачи“ хорватскими вотчинниками их земельной собственности на „новых правах“ наблюдается уже в первые годы правления Фердинанда⁸⁹, но особенно большие размеры она приобретает в 50—60-е годы XVI в.⁹⁰. Продолжалась эта практика и при Максимилиане (1564—1576 гг.), и при Рудольфе (1576—1606 гг.)⁹¹. Грани между вотчинным и условным землевладением стирались также в результате установления вассальных отношений между крупными и светскими феодалами и более мелкими владельцами племенщин. Один из таких случаев коммендации мелких феодалов-вотчинников, между прочим, приводится В. Клаичем, который указывает, что в 1432 г. племечи „de generationes Lokašew“ добровольно отделились под защиту князей Благайских⁹².

Таким образом, в рассматриваемый период основное различие между племенщиной-вотчиной и условным земельным пожалованием (типа поместья) в конечном счете заключалось лишь в источниках их происхождения.

Слияние в XV—XVI вв. этих двух форм феодальной собственности сопровождалось усилением королевской (императорской) власти как верховного собственника земли. А это, в свою очередь, вело к укреплению охраны монопольной собственности хорватских феодалов на землю со стороны государства. В случае же коммендации феодалов—владельцев племенщин—эта функция в первую очередь осуществлялась их сеньорами—крупными светскими феодалами.

⁸⁸ МНЈСМ, vol. VI, № 122, str. 206.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ См. J. Војничић. Kraljevske darovnice..., VZA, god. VII, № 10, str. 186; № 19, str. 191; № 21, str. 192; № 35, str. 199; № 46, str. 205 и др.

⁹¹ См. там же. VZA, god. VII, № 159, str. 108; № 163, str. 112; № 165, str. 113; № 166, str. 114; № 169, str. 151; № 175, str. 117; № 177, str. 118; № 178, str. 119; № 181, str. 121 и др.

⁹² V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 22.

Помимо земельных пожалований, полученных от короля (императора) или светских феодалов, в Хорватии XV—XVI вв. существовали также земельные владения, обусловленные службой церковно-монастырским сеньорам. К сожалению, в нашем распоряжении имеются лишь косвенные данные о такого рода пожалованиях. Так, среди грамот императора Фердинанда, опубликованных И. Бойничичем, есть две грамоты, подтверждающие пожалования Топушского аббата светским лицам⁹³. По данным описи военного налога от 1453 г., в этом аббатстве насчитывалось 15 мелких вассалов, причем общий размер их владений в 7 раз превышал величину домениальных земель самого аббатства⁹⁴. Для Хорватии изучаемого времени подобное превышение размеров условных держаний над величиной домена в крупных церковно-монастырских вотчинах довольно типично. Это явление, возможно, объясняется тем, что крупные духовные феодалы предпочитали реализовать свою непрерывно растущую земельную собственность с помощью мелких вассалов, не прибегая для этой цели к расширению собственного аппарата внеэкономического принуждения. Возможно также, что указанное явление — результат коммандации мелких феодалов. Но, так или иначе, мелкие феодалы церковно-монастырских вотчинников были обязаны своему сеньору не только „верной службой“, в обычном значении этого термина, но и частью ренты (преимущественно в форме доли урожая). Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что при передаче вассалом духовного феодала новому владельцу своего условного держания, последний обязывался отдавать своему сеньору определенную часть ренты. Так, согласно купчей грамоте от 1558 г., бакрский капитан Денти, купивший у некоего Вида Дерпича виноградник, должен был ежегодно отдавать церкви св. Мартина $\frac{1}{4}$ урожая, собранного с этого виноградника. При этом Денти получал право свободно распоряжаться данным виноградником (продавать, дарить и завещать), но в случае, если он или кто-либо из последующих владельцев отказывался бы давать четвертину, церковь „была вольна отобрать виноградник... и передать кому ей угодно“⁹⁵. Таким образом, условные держания вассалов духовных феодалов отличались от условных владений, пожалованных светскими феодалами характером службы, но по объему владельческих прав были идентичны им.

Наряду с племенщиной и условным наследственным владением, распространенной формой феодальной земельной собственности в Хорватии XV—XVI вв. было заставное землевладение, хорошо известное ряду европейских стран того времени. В частности, как показал академик В. И. Пичета в одной из своих последних работ, эта форма землевладения получила весьма широкое распространение в конце XV и начале XVI в. в Великом княжестве Литовском⁹⁶. По определению В. И. Пичеты, под заставным землевладением „следует понимать передачу недвижимого имущества в руки арендатора в виде обеспечения полученной собственником земли денежной ссуды... Держатель заставы получал право эксплуатации имения, собирал доходы с него в виде процентов за выданную ссуду. Срок заставы обычно прекращался с момента выкупа заставного имения“⁹⁷.

⁹³ J. Bojničić. Kraljevske darovnice... VZA, god. VII, № 39, str. 201; № 40, str. 202.

⁹⁴ V. Kleić. Popis ratne daće u Slavonije godine 1543. VZA, god. XI, str. 88—89.

⁹⁵ R. Strohal. Nekoliko neštampanih glagolskih listina. VZA, god. XII, str. 67.

⁹⁶ См. В. И. Пичета. Феодальное поместье в Великом княжестве Литовском. „Ученые записки Института славяноведения АН СССР“, т. IV, 1951, стр. 251—257.

⁹⁷ Там же, стр. 251.

Совершенно аналогичный характер имело заставное землевладение в Хорватии. Как свидетельствуют источники, передача земли в заставу отличалась от сделки купля-продажа прежде всего тем, что за „продавцом“ оставалось право выкупа; до момента выкупа новый владелец получал полное право на все доходы с полученной в заставу земли⁹⁸. Нельзя не отметить в этой связи и того весьма любопытного обстоятельства, что как и в Литве, так и в Хорватии данная форма землевладения носила одно и то же наименование — „застава“.

Известны свидетельства о заставном землевладении в Хорватии, относящиеся к началу XIV в.⁹⁹. Основная же масса заставных грамот приходится на вторую половину XV и XVI в., причем среди лиц, передающих свою землю в заставу, встречаются как светские и духовные феодалы, так и короли¹⁰⁰.

Возникновение и распространение этой формы землевладения было связано с развитием товарно-денежных отношений в условиях еще сравнительно прочного феодального строя с его натурально-хозяйственной основой. Как подчеркивает В. И. Пичета, анализируя сущность заставного землевладения, „в условиях натурального хозяйства увеличение дохода с накопленных денежных средств было возможно только при посредстве ростовщических сделок — выдачи денег в кредит, разумеется, под известной гарантией. Такой гарантией могло быть земельное владение“¹⁰¹. Но это лишь одна из основных причин развития заставного землевладения. Другая причина — все возрастающая потребность в деньгах как феодалов, так и королевской власти. Для феодальных собственников, в том числе и королей (императоров), передача земли в заставу имела известное преимущество перед пожалованием ее в условное владение или продажей. Передавая землю в „заставу“, феодальный собственник, помимо денег, приобретал одновременно и вассала, обязанного ему „верной службой“. Эта сторона заставного права весьма отчетливо выражена в грамоте кн. Ст. Франкопана от 1541 г., фиксирующей передачу князем в „заставу“ земель неким Гусичам. О мотивах этой передачи в грамоте сказано, что земля дана им в награду „за верную службу с тем, чтобы и впредь прилежно и хорошо ее исполняли“¹⁰², т. е. буквально то же, что в известной нам грамоте от 1547 г., которой М. Оштрихарицу жалуются кн. Ст. Франкопаном земли под Модрушем.

Кроме того, в отдельных случаях, в Хорватии XVI в., как и в Литовском княжестве¹⁰³, феодальные собственники земли, передавая ее в заставу, оставляли за собой право на получение части феодальной ренты¹⁰⁴. Наконец, немаловажную роль в том, что феодалы предпочитали не продавать, а отдавать землю в заставу, играло то обстоятельство, что за ними сохранялось право выкупа „заставленного“ владения. В феодальном обществе это право имело особое значение, поскольку размерами земельных владений и числом подданных определялось не

⁹⁸ См., например, J. Kukuljević. Acta Croatia, str. 177—178.

⁹⁹ J. Kukuljević. Dogadjai Medvedgrada. Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. Zagreb, 1854, sv. III, str. 37.

¹⁰⁰ Там же, стр. 47; J. Kukuljević. Acta Croatia, № 162, str. 177—178; J. Војничіć. Kraljevske darovnice..., VZA, god. VII, № 47, str. 206; № 48, str. 207; № 49, str. 207—208; № 104, str. 266; № 110, str. 274—275.

¹⁰¹ В. И. Пичета. Феодальное поместье..., стр. 251.

¹⁰² J. Kukuljević. Acta Croatia, № 162, str. 177.

¹⁰³ См. В. И. Пичета. Феодальное поместье..., стр. 254.

¹⁰⁴ См. МНЖСМ, vol. IV, str. 55.

только экономическое, но и политическое могущество феодалов¹⁰⁵. Впрочем, на практике выкуп заставных владений производился весьма редко.

Особенно широко пользовались правом заставы короли (императоры), для которых застава земель была важным источником доходов. К этому источнику пополнения денежных ресурсов в конце XV—начале XVI в. уже довольно часто прибегали венгерские короли. Но особенно крупных масштабов раздача земель в заставу хорватским феодалам достигла при императоре Фердинанде. Так, в 1534 г. он получил 1000 форинтов от хорватского князя Степана Бабоница за переданное в заставу владение Смерковичи в Загребской жупании¹⁰⁶; в 1546 г. Фердинанд закладывает замки Чаковец и Стридо князю Николаю Зринскому за 50 тыс. форинтов¹⁰⁷; в 1547 г. отдает в заставу магнату Секелю за 2 тыс. форинтов половину владений замка Крапины¹⁰⁸; в 1556 г. Фердинанд передал за 5 тыс. форинтов в заставу магнату Ив. Унгнаду владения города Вараждина¹⁰⁹. Приведенные данные далеко не исчерпывают число „заставленных“ Фердинандом владений в Славонии. Но и эти данные достаточно наглядно свидетельствуют о том, сколь значительные массивы славонских земель в XVI в. находились в руках феодальной знати на заставном праве.

Итак, в Хорватии XV—XVI вв. существовали три основные формы феодальной земельной собственности: „племенщина-вотчина“, условное владение типа феода и заставное землевладение.

Вопросом о формах собственности феодалов на землю далеко не исчерпывается вся проблема феодального землевладения. Выявление форм собственности помогает уяснить главным образом правовую сторону дела. Не менее важное значение для изучения структуры феодального землевладения имеет решение вопроса о распределении земельных владений внутри господствующего класса. Богатые возможности для решения этого вопроса применительно к хорватской действительности XVI в. открывает опись военного налога в Славонии от 1543 г.¹¹⁰. В ней перечислены земельные собственники всей Славонии с указанием суммы уплачиваемого каждым из них налога, размер которого определялся числом „дымов“, принадлежавших тому или иному собственнику¹¹¹. Таким образом, опись позволяет представить в соизмеримых единицах соотношение между различными категориями феодальных собственников. И, что весьма существенно, имеется возможность опереться при этом на данные, которые косвенно свидетельствуют о количестве подданных феодалов, а, как уже указывалось, могущество феодальных господ определялось именно числом подданных¹¹².

К сожалению, для решения вопроса о структуре феодального землевладения в „собственно“ Хорватии, мы не располагаем материалами, подобными описи 1543 г., и здесь нам приходится довольствоваться лишь отдельными случайными и отрывочными сведениями. Поэтому в данном случае, очевидно, целесообразно в первую очередь исходить из поддающихся статистической обработке показаний описи военного

¹⁰⁵ См. К. Маркс. Капитал, т. I, 1955, стр. 722.

¹⁰⁶ J. Bojničić. Kraljevske darovnice..., VZA, god. VII, № 48, str. 207.

¹⁰⁷ Там же, № 104, стр. 266—267.

¹⁰⁸ Там же, № 110, стр. 274—275.

¹⁰⁹ Там же, VZA, god. VIII, № 161, str. 110—112.

¹¹⁰ V. Klaić. Popis ratne daće u Slavoniji godine 1543. VZA, god. IX. Zagreb, 1907.

¹¹¹ Как следует из самой описи, от каждого „дыма“ (fumus) в 1543 г. взималось $\frac{1}{2}$ форинта. См. V. Klaić. Popis ratne daće..., str. 83—85.

¹¹² См. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 722.

налога в Славонии. Произведенные нами соответствующие подсчеты на основании материалов этой описи в самом обобщенном виде могут быть сведены в следующую таблицу.

Таблица 1

Категории владельцев	Число вотчин	Общее число „дымов“	В % к общему числу „дымов“ (с точностью до 1 %)
Светские феодалы—владельцы			
1—10 „дымов“	234	912	8,5
„ „ 11—50 „дымов“	32	676	6,4
„ „ 51 и более „дымов“	47	4833	45,4
Церковно-монастырские владения	54	1554	15,2
Населенные пункты, владельцы			
которых в описи не указаны	21	2604	24,5
Итого	388	10579	100

Таблица эта нуждается в некоторых предварительных комментариях. Прежде всего требуют пояснений сведения, приведенные под рубрикой „Населенные пункты, владельцы которых в описи не указаны“. Значительная часть занесенных в данную рубрику „дымов“ приходится на „королевские“ города, примерно $\frac{1}{5}$ „дымов“ падает на две крупные вотчины Суседград и Н. Стубицу, находившиеся в то время в распоряжении венгерской камеры¹¹³. Из остальных 11 населенных пунктов, помещенных в последнюю графу таблицы, относительно 9 мы имеем возможность на основании косвенных свидетельств самой описи и показаний других источников определить их феодальных собственников¹¹⁴ и, следовательно, можем внести необходимые поправки в таблицу. Но нам так и не удастся установить действительных владельцев двух населенных пунктов, насчитывающих в общей сложности 198 „дымов“. Уже в силу этого приведенные в таблице данные, к сожалению, не могут претендовать на абсолютную точность. К тому же в одном случае в описи назван населенный пункт и его владелец, но не проставлены данные о размере военного налога; не исключены и отдельные пропуски в описи.

Однако совершенно очевидно, что все эти дефекты носят случайный характер и не могут оказать сколько-нибудь существенного влияния на те основные выводы, которые вытекают из наших подсчетов.

¹¹³ См. J. Hartinger. Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573. Osijek, 1911, str. 98.

¹¹⁴ Это: имение Раковац, состоявшее из трех населенных пунктов (всего 82 д.; см. VZA, god. IX, str. 84) и принадлежавшее в середине XVI в. кн. Зринским (см. V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 85); имение Врбовец, состоявшее из двух населенных пунктов (всего 32 д.; см. VZA, god. IX, str. 90) и принадлежавшее также кн. Зринским (см. MHJSM, vol. V, str. 167); село Ботинец (10 д.), входившее, как следует из описи, в состав Медведградской вотчины (см. VZA, god. IX, str. 90), которая принадлежала тем же кн. Зринским (см. VZA, god. IX, str. 91); село Лука (50 д.), о котором в описи говорится, что оно приписано к замку Штеничяк (см. VZA, god. IX, str. 89), принадлежавшему кн. Франкопанам (см. там же); село Бобовичи, приписанное к замку Мокрици (8 д.) (см. VZA, god. IX, str. 90), которым владел Грегорианец (см. Starine, kn. VII, № 128); замок Луковец с окрестностями — 112 д. (см. VZA, god. IX, str. 90), являвшийся в 40-х годах XVI в. предметом спора между туропольскими племичами и кн. Зринскими (см. V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 174).

Эти выводы таковы. Свыше 60% всего населения Славонии жило на землях светских феодалов¹¹⁵. Две трети этих земель находилось в руках небольшого числа магнатов; на долю же более чем 200 мелких светских вотчинников приходилось менее 9% подданных. Сравнительно незначителен удельный вес средних светских феодалов, как по числу их, так и по общим размерам принадлежащих им земельных владений. Наконец, из таблицы следует, что церковно-монастырским феодалам принадлежало не менее 1/4 всех „дымов“, владельцы которых указаны в описи.

Материалы описи могут послужить основой и для более обстоятельной характеристики структуры феодального землевладения в Хорватии XVI в. Так, ее показания, относящиеся к крупным светским феодалам, имевшим свыше 50 „дымов“, могут быть конкретизированы следующим образом (см. таблицу 2 на стр. 243).

Из таблицы 2 прежде всего следует, что светских феодалов, владения которых превышали 50 „дымов“, в середине XVI в. в Славонии насчитывалось лишь 16. Всего им принадлежало около 50 вотчин самой различной величины. У 3/4 светских феодалов этой категории имелись владения от 2 до 50 „дымов“, однако основную массу принадлежавших им „дымов“ составляли крупные компактные вотчины. Подавляющее большинство этих вотчин было сосредоточено в двух сравнительно отдаленных от турецкой границы жупаниях, Вараждинской и Загребской, и находилось в руках пяти магнатских семей: Эрдеди, Шомберг, Кеглевичей, Зринских и Франкопанов. На их долю в общей сложности приходилось более половины всех земель, принадлежавших светским феодалам в Славонии.

Еще большая концентрация земельной собственности наблюдалась в рассматриваемый период в „собственно“ Хорватии. Здесь уже в XIV—XV вв. основными массивами земель владели князья Франкопаны. Так, например, в титуле князя Бернардини Франкопана в 1486 г. значилось: „князь Крчки, Сеньски, Модрушский и прочая“¹¹⁶. Франкопанам принадлежало также Винодольское княжество¹¹⁷. Помимо того они владели семью крупными вотчинами (Рибник, Новигард, Липпа, Звечай, Зград, Огулин и Луковдол)¹¹⁸ на северо-западе от Винодола и Озальским имением¹¹⁹ на границе Славонии. Только в Модрушских владениях кн. Франкопанов насчитывалось в конце XV в. около 800 крестьянских хозяйств¹²⁰.

Заканчивая рассмотрение вопроса о размерах земельной собственности крупных светских феодалов, необходимо отметить, что в таблице 2 в их число чисто условно включены все светские лица, владения которых, по данным описи 1543 г., превышали 50 „дымов“. Однако если даже к категории средних вотчинников отнести всех землевладельцев (5), имевших от 51 до 90 д. (всего 443 д.), то и в этом случае данные описи убедительно свидетельствуют, что в середине XVI в. в Славонии общая площадь земельной собственности крупных светских феодалов значительно превышала территорию всех владений, которые принадлежали средним светским вотчинникам. Достаточно сказать, что число

¹¹⁵ Как мы только что установили, светским феодалам, помимо вотчин, указанных в первых трех графах таблицы 1, принадлежало также 9 вотчин (294 д.), приведенных в графе пятой этой же таблицы. Таким образом, на долю светских феодалов фактически приходилось не 60,3% всех „дымов“, как это указано в таблице 1, а более 62%.

¹¹⁶ МНЈСМ, vol. V, str. 27.

¹¹⁷ Там же, стр. 82—93.

¹¹⁸ См. E. L a s z o w s k i. Popis i procjena. . . , str. 181—211.

¹¹⁹ МНЈСМ, vol. V, str. 201.

¹²⁰ Там же, стр. 28—81.

Таблица 2

Распределение „дымов“ среди крупных светских феодалов в Славонии середины XVI в.

Владельцы	1—10 „дымов“		11—20 „дымов“		21—50 „дымов“		51—100 „дымов“		101—200 „дымов“		201—500 „дымов“		501 и более „дымов“		В целом по каждой жупании						Всего	
	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Количество вотчин	Общее число „дымов“	Крижевацкой		Вараждинской		Загребской		Количество владений	Общее число „дымов“										
															вотчин „дымов“	вотчин „дымов“	вотчин „дымов“	вотчин „дымов“				
Ив. Алапич . . .	1	6	1	20	2	56	1	68	—	—	—	—	—	—	3	49	—	—	2	101	5	150
г-н Батъяни . . .	1	4	—	—	1	22	1	62	—	—	—	—	—	—	—	—	2	26	1	62	3	88
Ем. Брадач . . .	1	6	—	—	2	56	—	—	1	104	—	—	—	—	—	1	104	3	62	4	166	
г-н Гивлай . . .	1	10	—	—	—	—	—	—	1	184	—	—	—	—	1	10	1	184	—	—	2	194
А. Грегорианец .	3	20	—	—	2	52	—	—	—	—	—	—	—	1	24	—	—	4	48	5	72	
кн. Н. Зринский .	1	10	—	—	1	30	—	—	—	—	1	324	—	—	—	—	—	3	364	3	364	
кн. Злунские . .	—	—	—	—	—	—	1	76	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	76	1	76	
П. Кастелянфи .	—	—	2	32	1	36	—	—	—	—	—	—	—	—	2	32	—	—	1	36	3	68
кн. Кеглевичи . .	—	—	—	—	1	28	—	—	3	432	1	300	—	—	1	120	4	640	—	—	5	760
г-н Керечини . .	—	—	—	—	—	—	1	80	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	80	1	80
Б. Петьев	—	—	—	—	—	—	1	100	—	—	—	—	—	—	—	—	1	100	—	—	1	100
г-н Раткай . . .	—	—	1	16	—	—	—	—	1	160	—	—	—	—	—	—	2	176	—	—	2	176
И. Туросци . . .	1	5	1	12	1	42	—	—	—	—	—	—	—	1	5	2	54	—	—	3	59	
кн. Франкопаны .	—	—	—	—	—	—	1	66	1	142	—	—	—	—	—	—	—	—	2	208	2	208
г-н Шомберг . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	856	—	—	1	856	—	—	1	856
П. Эрдеди . . .	1	2	—	—	—	—	—	—	1	136	4	1278	—	—	1	440	—	—	5	976	6	1416
Итого:	10	63	5	80	11	322	6	452	8	1158	6	1902	1	856	10	680	14	2140	23	2013	47	4833

„дымов“ (1119), приходящихся на долю группы владельцев от 11 до 90 д., составляет лишь $\frac{1}{3}$ „дымов“, принадлежавших пяти наиболее крупным магнатам (3596 д.). К тому же следует иметь в виду, что в таблице 1 условна и грань в 10 д. между средними и мелкими феодалами; возможно, часть феодалов, владения которых насчитывали от 11 до 50 „дымов“, правильнее отнести к мелким вотчинникам и стало быть число „дымов“, приходящихся на долю средних вотчинников, должно несколько уменьшиться. Само собой разумеется, что соответственно возрастет число мелких землевладельцев. Но, так или иначе, многочисленность последних несомненна.

Опираясь на показания описи 1543 г., можно составить также некоторое представление о соотношении отдельных групп средних и мелких

Таблица 3

Размеры вотчин в „дымах“	Количество вотчин	Общее число „дымов“
1—2	108	201
3—6	90	396
7—10	36	315
11—20	19	302
21—50	13	374

вотчинников. Сводя воедино эти показания, мы получаем следующую таблицу распределения „дымов“ между славонскими светскими вотчинниками, имевшими владения от 1 до 50 д. (таблица 3).

Таблица эта наглядно свидетельствует, что число вотчинников резко сокращается по мере увеличения размеров владений; более 40% всех

феодалов, имевших вотчины в 1—50 д., составляли племичи „однодворцы“, владевшие 1—2 д., но на их долю приходилось лишь $\frac{1}{7}$ „дымов“, принадлежавших всем средним и мелким вотчинникам.

Материалы описи 1543 г. позволяют также несколько конкретизировать общую характеристику церковно-монастырского землевладения. Из этих материалов следует, что одним из крупнейших феодальных собственников в Славонии XVI в. являлся загребский капитул, которому принадлежало 768 „дымов“¹²¹. Немалые земельные владения в Славонии были сосредоточены также в руках загребского епископа (590 д.)¹²². Что касается „собственно“ Хорватии, то здесь концентрация церковно-монастырских земельных владений, видимо, не достигла столь значительных масштабов. К сожалению, относительно церковно-монастырских вотчин в „собственно“ Хорватии мы располагаем, хотя и многочисленными, но весьма отрывочными данными. Эти данные со всей определенностью свидетельствуют лишь о том, что в изучаемый период духовные феодалы на территории „собственно“ Хорватии интенсивно округляли свои земельные владения; одним из важнейших источников роста церковно-монастырских вотчин были различного рода пожертвования светских феодалов¹²³.

Значительный интерес представляют данные описи 1543 г. о соотношении (территориальном совпадении) вотчины и сельского поселения. Эти данные позволяют установить, что в середине XVI в. в Славонии основные массивы владений крупных феодалов состояли из принадлежавших только им деревень. Вместе с тем имелись и сельские поселения, на территории которых располагались вотчины крупных, средних и мелких феодалов. Однако подавляющее большинство средних и мел-

¹²¹ См. V. Klaić. Popis ratne daće. . . , str. 83—92.

¹²² См. там же.

¹²³ МНЈСМ, vol. VI, str. 385, 390, 415. J. Kukuljević. Acta Croatia, str. 174—178, 186—187, 193, 261—262.

ких вотчин было сосредоточено в населенных пунктах, где владения крупных феодалов либо вообще отсутствовали, либо были весьма незначительны. Число вотчинников в таких населенных пунктах обычно колебалось от 2 до 5, но существовали и деревни с гораздо большим числом мелких владельцев. Так, например, в Верхней Стубице в 1543 г. насчитывались 16 владельцев, обладавших в общей сложности 104 д. Наконец, изредка в описи встречаются небольшие села, принадлежавшие одному среднему или мелкому вотчиннику.

Рассматривая структуру феодального землевладения в хорватской деревне XVI в., нельзя пройти мимо свидетельства источников о существовании в средневековой Хорватии своеобразных корпораций средних и мелких вотчинников. Такие корпорации, именуемые в документах на хорватском языке „опчина племичка“, объединяли средних и мелких землевладельцев одного или нескольких близлежащих населенных пунктов.

Наиболее многочисленные материалы дошли до нас об „общине“ племичей в Турополье¹²⁴, центром которой был замок Луковец¹²⁵. Как отмечает публикатор и исследователь этих материалов Э. Лазовский, уже в XIV в. во главе туропольцев стоял жупан (*comes terrestris, zupran, supranus*), защищавший их интересы перед королем, баном и судебными властями¹²⁶. Он представлял туропольскую общину в хорватском саборе, председательствовал на вече туропольцев, возглавлял общинный суд. Санкции жупана подлежали все сделки по продаже, закладу и обмену земли, завещания и т. п.; в его распоряжении находилась „канцелярия“, оформлявшая всю документацию туропольской общины¹²⁷.

У нас нет оснований полагать, что все средние и мелкие племичи в средневековой Хорватии были объединены в корпорации, обладавшие столь развитой внутренней организацией, как туропольская община. Однако насколько можно судить по целому ряду дошедших до нас актовых материалов, в которых фиксируются решения „племенных“ судов по вопросам, касающимся имущественных отношений между мелкими вотчинниками¹²⁸, корпорации племичей, подобные туропольской, в XV—XVI вв. были разбросаны по всей территории Хорватии. Весьма возможно, что именно в этих своеобразных корпорациях племичей следует искать одну из причин того, что в Хорватии вплоть до позднего средневековья сохранилось сравнительно большое число мелких вотчинников. Вместе с тем не подлежит сомнению, что на племичей вели энергичное наступление крупные феодалы. В XVI в. это проявилось весьма отчетливо. Так, в 1548 г. специальное постановление Пожунского сабора предписывало крупным феодалам восстановить в прежних правах „всех племичей, которые в недавние бурные времена¹²⁹ были насильственно превращены в колонов“¹³⁰. Даже туропольским племичам с трудом удавалось защитить себя от посягательств крупных феодалов. В том же 1548 г. представители Туропольской „общины“ подали императору Фердинанду жалобу на бана кн. Николая Зринского. В этой

¹²⁴ См. Monumenta historica nobilis committatis Turropolje, vol. I. Zagreb, 1904.

¹²⁵ В 1560 г. в Туропольской общине насчитывалось около 40 мелких вотчин (см. J. Vojničić. Kraljevske darovnice . . ., VZA, god. VIII, str. 121—122.

¹²⁶ E. Laszowski. Turopoljski župan. VZA, god. XII. Zagreb, 1910, str. 51.

¹²⁷ E. Laszowski. Kancelarija i pečat turopoljske plemenite općine. VZA, god. XI. Zagreb, 1909, str. 118—123.

¹²⁸ См. J. Kukuljević Acta Croatia.

¹²⁹ Имеется в виду период борьбы между императором Фердинандом и Ив. Запольей.

¹³⁰ V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, str. 174.

жалобе они указывали, что „бан завладел их племенитым замком Луковцем, который они некогда возвели для своей защиты, и к тому же оскорбляет и нарушает их племенные свободы“. Сущность этих притеснений раскрывает контрзаявление Николая Зринского, в котором он утверждал, что Луковец был в свое время продан туропольцами кн. Зринским и что „всем владельцам Луковца племичи Турополя и их кметы были обязаны платежами и несением различных служб“. Лишь после длительной тяжбы, продолжавшейся свыше года, туропольским племичам удалось добиться восстановления своих прав на Луковец¹³¹. Сохранилось также немало свидетельств о развернувшейся в 60—70-х годах XVI в. борьбе между племичами Славонского Загорья и князьями Кеглевичами, притеснения которых заставили загорских племичей даже примкнуть в 1573 г. к восставшим крестьянам¹³².

Помимо наступления крупных феодалов, на судьбе хорватских племичей весьма ощутимо сказывалось и воздействие чисто экономических факторов, в первую очередь развитие в стране товарно-денежных отношений. Не случайно большая часть сохранившихся документов, составленных в конце XV—XVI вв. в „племенных“ судах, посвящена вопросам, связанным с продажей или залогом племенщин. Особенно показательны в данной связи одно из дел, рассматривавшихся в 1511 г. в Бужах (близ Сена). В ходе этого дела выяснилось, что у одного бужского племича, который был должен другому 2 дуката, в доме нет „ничего, чем мог бы быть оплачен долг“, потерял он и свою племенщину, которую суд вплоть до возвращения долга отдал в заставу истцу¹³³. Иначе говоря, перед нами свидетельство полного разорения мелкого вотчинника.

Несомненно также, что на судьбе средних и мелких вотчинников особенно пагубно по сравнению с крупными светскими и духовными феодалами отразилась турецкая агрессия: у одних из племичей владения целиком оказались на территории, захваченной турками, у других — полностью разорены; лишь незначительную часть хорватских средних и мелких вотчинников турецкие опустошения непосредственно совсем не затронули или затронули в небольшой степени.

Итак, в Хорватии XVI в. налицо процесс разорения средних и мелких феодалов. Масштабы этого, обусловленного рядом факторов, процесса несомненно были гораздо значительнее, чем размеры другого параллельного процесса — появления новых средних и мелких феодальных собственников в результате различного рода пожалований. Одним словом, мы, очевидно, не сделаем ошибку, если заключим, что в рассматриваемый период удельный вес всех средних и мелких землевладельцев внутри господствующего класса хорватского общества все более понижался. Соответственно усиливалась концентрация земельной собственности в руках магнатов, чему в немалой степени способствовала и проводимая Габсбургами практика раздачи земель в Славонии¹³⁴.

¹³¹ См. V. Klaić. *Povjest Hrvata*, sv. III, dio I, str. 174—176.

¹³² См. *Starine*, kn. VII, № 140, str. 268; № 146, str. 273, № 165, str. 302; № 172, str. 309—311, № 173, str. 314.

¹³³ J. Kukuljević. *Acta Croatia*, № 25, str. 197—198.

¹³⁴ Именно о таком характере этой практики наглядно свидетельствуют опубликованные грамоты императора Фердинанда, значительная часть которых посвящена дарениям, продаже и передаче в „заставу“ земельных владений в Славонии крупным светским феодалам (Эрдеди, Кеглевичам, Зринским, Грегорианцам и др.). См. J. Bojničić. *Kraljevske darovnice . . .*, VZA, god. VII, № 64, str. 247—248; № 85, str. 258, № 90, str. 260; № 104, str. 266; № 105, str. 267—271, № 108, str. 272—273; VZA, god. VIII, № 154, str. 105; № 171, str. 171.